

УДК 94(37)

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО ОБВИНЕНИЮ В КОЛДОВСТВЕ: ИМПЕРАТОРСКАЯ КАМПАНИЯ ИЛИ СЕНАТОРСКАЯ ИНИЦИАТИВА?

© 2019 г.

Е.С. Зайцева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

zajceva-evgeniya@list.ru

Поступила в редакцию 25.04.2019

Рассматриваются позднеантичные процессы по обвинению сенаторов в занятиях магией. Изначально кампания в обеих частях империи была направлена на искоренение магических практик, однако из-за специфики положения сенаторского сословия Рима она трансформировалась. Выявляя механизм этой трансформации, автор приходит к выводу, что сенаторы, как единственные хозяева города, с помощью доносов устраняли политических конкурентов под предлогом их магических деяний. На примере конкретного дела викария Максимиана показаны особенности взаимодействия римских сенаторов друг с другом и с имперским правительством.

Ключевые слова: поздняя античность, Валентиниан I, римские сенаторы, сенаторская аристократия, судебные процессы, магия, колдовство.

Обвинения в занятиях магией, становившиеся причиной судебных преследований еще со времен принципата [1], особенно активизировались в IV в., который стал переломным в истории римской *civitas*. Формирование официальной церковной доктрины, борьба со множеством политических узурпаций и религиозных ересей, отразивших идейные метания позднеантичного общества¹, привели к тому, что процессы по обвинению в колдовстве², инициированные императорами, приобрели политическое звучание. Особенно наглядно оно проявилось в Риме. Цель статьи заключается в выявлении влияния «римских процессов» на сенаторскую аристократию, а также раскрытия механизмов взаимодействия сенаторов друг с другом и с имперскими чиновниками, возглавлявшими расследования.

Судебные преследования получили широкое распространение в Риме, Константинополе и Антиохии³. Законодательная база процессов развивалась в течение IV в. и наиболее полно зафиксирована в IX книге 16 титула кодекса Феодосия⁴. Четкого определения понятий «магия» и «колдовство» в поздней империи не сложилось. Часто законодательство понимало под ними различные действия, производившиеся с целью манипулирования божественными силами для достижения желаемой цели. Магию определяли как *maleficium*, *veneficium*, *goeteia*, *manganeia* [5, p. 218–219]. Эти категории четко отделялись от традиционного римского гадания *haruspicina*, по поводу чего Валентиниан даже издал специальный указ (CTh. 9.16.9). Скорее всего, как предполагает А. Марей, магия, с од-

ной стороны, рассматривалась как покушение на жизнь человека, на его свободу и душу, а с другой – сближалась с *sacrilegium* (святотатством) [4, с. 167–168].

Постепенное ограничение деятельности прицателей, астрологов и колдунов привело к тому, что к концу IV в. вся магическая деятельность на территории Римской империи оказалась под запретом [4, с. 174]. Нарушением этого запрета ряд древних авторов и объясняет судебные расследования⁵.

В исследовательской литературе неоднократно предпринимались попытки понять причины активизации преследований. Часть авторов вслед за Э. Томпсоном полагает, что процессы были направлены исключительно на сенаторов и обуславливались презрением Валентиниана в отношении *ordo senatoribus* [6, p. 87–107; 7, p. 206; 8, p. 65–84]. Император, согласно этой точке зрения, раскрыл «заговор сенаторов», поэтому расправа с большей частью аристократии Рима стала его ответной реакцией [6, p. 87–107]. Однако, как справедливо отмечается, от подобных преследований пострадали далеко не только сенаторы⁶, и, скорее, они даже не являлись основной целью данных процессов.

Согласно другой точке зрения, обвиняемыми в колдовских процессах становились язычники, в особенности те из них, кто пытался реставрировать языческую религию Юлиана [9, p. 106–111]. Однако, во-первых, гонениям подвергались и христиане, во-вторых, по замечанию Н. Ленски, наказывали скорее не за приверженность к язычеству или христианству, а за нарушение моральных норм, поскольку среди обвинений

в колдовстве звучали и обвинения в супружеской измене и в *stuprum* (разврате) [5, p. 222].

Часть же исследователей считает, что римляне подвергались судебным преследованиям действительно за занятия магией, которые в случаях, если подозреваемые пытались предсказать судьбу императора, воспринимались как государственная измена. Гонения усугубились вспыльчивыми характерами Валентиниана и Валента и вольностями паннонийских императорских чиновников [5, p. 233–234]. Наиболее доказанной выглядит именно эта попытка сгладить противоречия предшествующих концепций [5; 10, S. 63–92]. Тем не менее интерпретация Н. Ленски более полно обосновывает процессы на Востоке, видимо, из-за лучшей обеспеченности источниками. Он верно полагает, что в Константинополе фигура императора играла весомую роль, поэтому он мог единолично инициировать гонения. К тому же на Востоке в целом зафиксировано большее распространение магических практик, в то время как западные аристократы обращались к ним значительно реже. Процессы на Западе, в свою очередь, освещены лишь Марцеллином, и эта скудость источников дает возможность разнонаправленных трактовок их целей.

Предметом данной статьи являются «римские процессы» 370–371 гг., направленные против представителей сенаторского сословия. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, говоря о Риме, следует учитывать особое положение самого города и сенаторского сословия в нем. Из-за отсутствия императоров в Риме город находился в распоряжении сенаторов [8, p. 53–54]. Следовательно, все местное управление находилось в руках аристократии, что обуславливало специфику колдовских процессов в Вечном городе. Во-вторых, этот пример гонений при викарии Максимине наиболее показателен, поскольку при этом чиновнике процессы против сенаторов достигли кульминации, что помогает лучше выявить особенности процессов и механизмы взаимодействия сенаторов друг с другом и с имперским правительством.

Основной источник сведений о Риме середины IV в. Аммиан Марцеллин привел в своем труде – рассказ, повествующий о деяниях некоего Максимиана, викария Рима и префекта анноны, нещадно бросавшего в Туллиеву темницу и казнившего всех, кто был причастен, по его мнению, к занятиям магией и колдовством.

Родился Максимиан в городе Сапиана, административном центре провинции Валерия, образованной в конце III в. Диоклетианом на территории северо-восточной части Нижней Панно-

нии (Aur. Vict. De Caes. XL. 40. 10). Эта территория была покорена Римским государством еще в пору его наивысшего могущества, в начале I в., однако и после завоевания не оставалась стабильным регионом. Паннония располагалась на Дунайском лимесе и представляла собой «ворота в Рим» для варварских племен, стремившихся проникнуть на территорию империи. В 166 г. именно в эту провинцию вторглись племена лангобардов и обиев, в 214–215 гг. – квадов, а в 254 и 259–260 гг. – маркоманов и языгов. Эти народы рассматривали территорию Паннонии в качестве перевалочного пункта, чтобы впоследствии выбрать более подходящее место для поселения, поскольку провинция представляла собой малопродуктивный регион из-за «сырости болот и невозделанных мест в горах» (Tac. Ann. I.17), в основном торговавший древесиной. Императоры начала IV в. пытались поправить это положение, приспособив «для земледелия поля в Паннонии, вырубив для этого непроходимые леса и спустив в Дунай воды из озера Пельсона» (Aur. Vict. De Caes. XL. 9). Однако провинция земледельческой так и не стала. Неблагоприятные природные условия и приграничное расположение региона, усиливавшее опасность для жизни местного населения, сформировали определенные черты характера у людей, проживавших там: своеволие, умение добиваться целей, строить карьеру, проходя ступень за ступенью государственной службы, и иногда, затаившись, выжидать благоприятный момент для того, чтобы впоследствии занять высокий пост или влиятельную должность. Наиболее эффективным способом улучшить жизненные условия для них была служба в армии. Именно этот регион, а также Иллирик, находившийся по соседству, известны как «поставщики императоров». Своей родиной Паннонию называли многие правители начиная с III в. – Деций Траян (Aur. Vict. De Caes. XXIX. 1), Констанций II, Иовиан (Aur. Vict. De Caes. XXXXIV), Валентиниан I (Aur. Vict. De Caes. XXXXV).

В IV–V вв. служба в имперских бюрократических структурах стала альтернативным способом для таких карьеристов завоевать себе «место под солнцем». И наш герой выбрал именно этот путь.

Максимиан принадлежал к выходцам из низов общества. Более того, не относясь к коренным народностям провинции Валерия, он вел свое происхождение от племени карпов, с которым Рим боролся еще с конца III в., когда Аврелиан, разбив их, частично переселил в Паннонию (SHA V. Aur. 30. 4–5). Окончательно племя было покорено уже при Диоклетиане⁷. Видимо,

именно во вторую волну переселения попали предки Максимиана: «Отец (Максимиана. – Е.З.) род свой вел от карпов, которых разгромил Диоклетиан на их старом месте жительства и переселил в Паннонию» (Amm. XXVIII. 1.6).

На новом месте нужно было обустроиваться, и отец Максимиана попробовал сделать карьеру в провинциальных управленческих структурах. Для этого вполне подошла должность табулярия – «счетного чиновника в канцелярии правителя провинции» (*tabulario praesidialis officii*) (Amm. XXVIII. 1. 5), предполагавшая финансовое делопроизводство. На первый взгляд незначительная, она тем не менее открывала большие перспективы для людей, ее занимавших [14, с. 72]. К середине IV в. такой канцелярский пост вполне мог помочь своему обладателю выстроить близкие отношения с императорским двором, поскольку часто табулярии, спекуляторы или фрументарии становились агентами тайной полиции⁸. Варварское происхождение и отсутствие образования не помешали отцу Максимиана устроиться на хорошее место, учитывая его изначально низкое положение.

Выше табулярия он, по-видимому, не поднялся, но попытался обеспечить лучшее будущее своему сыну, отправив его учиться. Однако получить качественное образование люди из низов общества, да еще и варварского происхождения, имели небольшие шансы, поэтому им приходилось довольствоваться малым. Образование являлось тем социальным барьером, благодаря которому высший класс дистанцировался от плебса, «подчеркивая свою образованность и духовную жизнь, наполненную настолько тонким и деликатным содержанием, что никто другой понять ее попросту не сможет» [15, с. 273]. Поэтому таким людям, как Максимиан, приходилось искать другие пути, чтобы устроиться в жизни⁹.

После недолгого и, по-видимому, не очень квалифицированного обучения будущий префект вначале «занялся адвокатурой, в чем не достиг особенных успехов» (Amm. XXVIII. 1. 6). Подобная должность, в общем-то, была довольно неплохой¹⁰, учитывая, что ее занимал, к примеру, Постумиан из senatorского рода Цецинов Сабинов, пренебрегший даже встречей с кружком Симмаха для того, чтобы подготовить «защитительные речи» (Macr. Sat. I.2.1; I.5.13; I.6.2). Однако, по-видимому, недостаток образования давал о себе знать, и потенциальные клиенты могли предпочесть более опытных и именитых ораторов, чем Максимиан, для защиты себя в суде. Тем не менее, даже будучи не очень успешным адвокатом, Максимиан пытался завести полезные связи. В частности, он познакомился с Фестом, впоследствии ставшим видным

римским историком (Amm. XXIX. 2. 22). Деятельная натура давала о себе знать, поэтому, не достигнув успеха на адвокатском поприще, Максимиан не отчаялся и, по свидетельству Марцеллина, поступил на государственную службу: «Был затем правителем Корсики, Сардинии, а потом Тусции» (Amm. XXVIII. 1. 6). Эти должности он занимал с гораздо большим успехом, получив именно в этот период титул «*vir clarissimus*» и, как следствие, личное сенаторство¹¹.

Трудно сказать, за что именно Максимиану была оказана такая честь. Однако здесь стоит вспомнить о положении его отца, сумевшего занять место в имперских структурах, имеющих отношение к тайной полиции. Кроме того, личное неформальное общение всегда играло огромную роль в римском обществе, возможно, даже большую, нежели формальные вертикальные связи. Должность наместника предполагала установление «дружеских» отношений с представителями провинциальной знати во время проведения совместных часов досуга [18, с. 60–64]. Учитывая это, еще Плиний предупреждал наместников, вершивших суд, о необходимости дистанцироваться от своих влиятельных друзей (Plin. Ep. IX. 5. 2). Сюда необходимо добавить и давнее стремление Максимиана к установлению полезных связей, к примеру, с упомянутым уже Фестом. В провинциях он наверняка продолжал заводить знакомства с *potentes*, имеющими должности в Риме или при дворе императора, возможно, используя полученные ранее знания в адвокатуре. Это еще более вероятно, учитывая, что наместничества Максимиан получал в италийских провинциях – местах постоянного обитания римской аристократии.

Таким образом, Максимиан завершил первый этап своей карьеры. По мере пребывания в этих должностях его жажда власти все усиливалась, тем более что он приобрел senatorский статус и теперь вполне мог претендовать на более высокие государственные посты¹².

Следующий жизненный этап Максимиана – вершина его могущества. В 360-х гг. он последовательно занимал несколько должностей общегосударственного значения: с 368 по 370 гг. – пост префекта анноны (*praefectus annonae*) (Amm. XXVIII. 1. 31), с 370 по 371 гг. – викариат Рима (*vicarius urbis Romae*) (Amm. XXVIII. 1. 12), и, наконец, в 371 г. Максимиан достиг наивысшей из возможных должностей, став префектом претория Галлии (*praefectus praetorio Galliarum*) (Amm. XXVIII. 1. 41, 44). Причем префектура анноны сопровождалась для него чрезвычайными полномочиями: именно Максимиан должен был преодолеть последствия беспорядков в Риме, возникших из-за выборов

нового римского епископа (Soc. IV. 29; Amm. XXVII. 3. 11–15)¹³. Пост викария Рима Максимиан также получил с вполне конкретной целью: Валентиниан I поручил ему расследовать дела о государственных преступлениях. Пожалуй, наиболее подходящего человека для этой должности отыскать было сложно. Максимиан чрезвычайно рьяно взялся за дело. Этот сюжет из биографии Максимиана нас и интересует больше всего, поскольку, помимо прочих, префект привлечен к ответственности по обвинению в занятиях колдовством и магией несколько сенаторов.

Практика прикрытия политических процессов формальными поводами вроде неосторожных высказываний или занятий оккультизмом была характерна не только для IV и V вв. Еще Тацит оставил многочисленные свидетельства, согласно которым многие принцепсы часто прибегали к устранению нежелательных лиц подобным образом. Причем методы были довольно суровыми и извращенными: по приказу императора был умерщвлен Друз, «который поддерживал себя жалкою пищей, поедая набивку своего тюфяка, и угас лишь на девятый день» (Tac. Ann. VI. 23). Затем имущество умерщвленного сенатора присваивалось в пользу фиска: «... все долги истребованы были одновременно, и вследствие большого числа осужденных, так как после продажи их конфискованного имущества звонкая монета скопилась в государственном казначействе и в казне императора» (Tac. Ann. VI.17). В отличие от предшествующего периода в IV в. самыми распространенными обвинениями были занятия магией и прелюбодеяния.

Примеры этого зафиксированы в источниках уже во время совместного правления Константина I и Лициния. Один из важных государственных деятелей конца III – начала IV в. Гай Цейоний Руфий Волузиан¹⁴ из рода Цейониев Руфиев оставался префектом города до 20 августа 315 г. Затем его политические позиции по неизвестным причинам сильно пошатнулись. Как свидетельствует Фирмик Матерн в своем гороскопе, «враги начали нападать на него и ... победили» (Firm Math. II.29.11, 12). Волузиан был осужден сенатом и выслан из города сенатским постановлением (Firm. Math. II.29.13). Через некоторое время бывший префект либо удалился в изгнание, либо вернулся в Рим, но более не занимал никаких государственных должностей. В противном случае Матерн, пристально следивший за его судьбой, скорее всего отразил бы это в своем сочинении. Впрочем, жизненные перипетии Волузиана никак не сказались на начале политической карьеры его сына. Альбин¹⁵ занял должность префекта в 335 г., при-

мерно через 20 лет после изгнания отца. Но до этого ему также пришлось пережить опалу, только теперь она была инициирована не сенатом, а самим императором. Альбин был осужден по обвинению в прелюбодеянии (Firm. Math. II.29.14, 17) и колдовстве (Firm. Math. II.29.18), однако впоследствии неожиданно возвращен из ссылки [*«de exilio raptus»*] (Firm Math. II.29.10.). Только после этих испытаний ему достались префектура и консулат. Причины ссылки отца, а затем и сына установить довольно сложно, поскольку единственный источник, упоминаящий об этих несчастьях, гороскоп Фирмика Матерна объясняет злоключения обоих членов семьи влиянием звезд (Firm. Math. II.29.16). Толкование политических преступлений и репрессий неугодных государственных деятелей как действие потусторонних сил отражает дух позднеантичной эпохи. Если попытаться расшифровать эту аллегорию, можно предположить, что под звездами могли пониматься представители императорской семьи. В таком случае следует солидаризироваться с Т. Барнсом, предположившим, что изгнание Альбина последовало из-за его причастности к династическим интригам Криспа и Фаусты [22, p. 48].

За подобными обвинениями в IV в., как и во времена Тацита, по-прежнему скрывались следующие мотивы: необходимость устранить неудобного политического соперника, желание завладеть его имуществом и, наконец, поддержание атмосферы нестабильности, страха, что ослабляло сенаторскую аристократию, не давало ей выступить единым фронтом. В позднеантичный период стал иным лишь формальный повод: обвинения в государственной измене сменились на обвинения в занятиях магией и прелюбодеяниях. В дополнение к этому расширился и социальный состав – теперь под суд попадали не только сенаторы, поскольку отнюдь не только они занимали высокие государственные должности в IV–V вв.

Решения о казнях, инициированные императорами, приводились в исполнение руками беспринципных карьеристов, подобных Максимиану. Наш герой, например, приобрел могущественного покровителя в лице императора Валентиниана I. Помимо того, что они были уроженцами одной местности, поскольку Валентиниан тоже происходил из Паннонии (Soc. IV. 1), будущие союзники сошлись еще и характером: «Хотя Валентиниан подчас надевал на себя личину кротости, но по вспыльчивости своей натуры он был более склонен к суровости. Такую он имел страсть причинять страдания, что никогда никого не избавил от смертной казни,

хотя это иногда делали и самые свирепые императоры. Он сторгал до глубины души завистью и, зная, что многие пороки принимают внешний вид добродетели, постоянно лицемерно твердил, что строгость есть союзница истинной власти. Он ненавидел людей хорошо одетых, высокообразованных, богатых, знатных и принижал храбрых, чтобы казалось, что он один выделяется среди всех» (Amm. 8.2–10). Аврелий Виктор характеризует Валентиниана I не столь категорично, заявляя о том, что император мог бы быть прекрасным правителем, «если бы он мог избавиться от окружения негодных лиц, которым он доверялся как самым верным и мудрым» (Aug. Vict. Epitome. XLV. 5–6).

Нрав и поступки Максимиана зачастую были аналогичными и могли подпитываться личными причинами. Еще в начале своего жизненного пути будущий префект «связался с одним сардинцем, которого потом сам, как прошел о том слух, погубил коварным образом; человек этот был весьма сведущ в вызывании злых духов и получении предсказаний от душ умерших людей. Пока жив был этот человек, он боялся предательства с его стороны и был обходительнее и мягче... Он (Максимин. – E.3.), подобно пресмыкающейся гадине, держался в низких местах и не мог еще вызвать крупных кровавых дел...» (Amm. XXVIII. 1. 7). Максимин, таким образом, сам некогда попал под влияние властного человека, о котором ходили слухи в причастности к различным магическим практикам. Соответственно получение полномочий от императора по «истреблению» колдовства могло найти искренний отклик в его душе. К тому же, будучи не очень образованным, Максимин мог не рассмотреть истинных причин проводимой политики.

Как именно Максимин сблизился с императором, неизвестно. Однако такое ответственное поручение Валентиниан не мог дать случайному человеку. Возможно, сыграл определенную роль круг общения отца Максимиана, его опыт в подобных делах, а также корпоративизм, характерный для лиц, занимавших отдельные должности в бюрократических структурах. К тому же у Максимиана за плечами имелось адвокатское прошлое и опыт ведения судебных разбирательств на постах наместника в италийских провинциях.

Суть обвинений по всем делам была схожей. По свидетельству Марцеллина, гонения затронули четыре сенаторские семьи: Цейониев Руфиев, Цейониев Юлианов, Дециев и предположительно Нуммиев, а также нескольких членов сената, чья принадлежность к конкретному роду неизвестна¹⁶.

Цейонии Руфии к середине IV в. уже смогли прочно инкорпорироваться в сенаторское сословие¹⁷. Сын Гая Цейония Руфия Волузиана Лампадия (С. Ceionius Rufius Volusianus Lampadius 5) Лоллиан принадлежал к *ordo senatorius* уже в четвертом поколении¹⁸, однако так и не смог реализовать себя на государственном поприще. Он еще не достиг необходимого возраста для занятия государственных должностей, но уже был уличен в интересе к официально запрещенным пособиям по астрологии. Молодой Лоллиан, находясь «в возрасте еще неокрепшего суждения, переписал книгу о чародействе» (Amm. XVIII.1.26). За это полагалась казнь, но, по совету отца, он обратился с просьбой о помиловании к императору. Обращение не помогло, подсудимый был приговорен к казни (Amm. XVIII.1.26). Сложно отыскать для подобного решения политические причины, относящиеся к самому Лоллиану, но оно могло быть рычагом влияния на его отца¹⁹. В карьере Лампадия период возвышения пришелся на конец периода правления Константина, когда он занял должность претора. В 354 г. он уже стал префектом претория Галлии, причем назначенным Констанцием II вместо Вулкация Руфина, своего родственника. По-видимому, Гай Цейоний Руфий Волузиан Лампадий был довольно близок с императором Констанцием II. Однако регулярные злоупотребления префекта не прошли бесследно, за них поплатился сын Лоллиан. Кроме того, Лоллиан был потомком Гая Цейония Руфия Волузиана, префекта Рима 315 г., также подвернутого ссылке. Таким образом, уже три поколения семьи пострадали от императорских гонений.

Цейониев Юлианов также не обошли стороной подобные преследования: «Были привлечены к ответственности следующие лица сенаторского звания: Тарраций Басс²⁰, впоследствии городской префект, брат его Камений²¹, некто Марциан и Евсафий. Они были обвинены в том, что оказывали покровительство колесничному вознице Авхению, как соучастнику в колдовстве» (Amm. XXVIII. 1. 27). Один из братьев, Камений, занимал множество религиозных должностей, в том числе он был квиндецемвиром священнодействий и великим понтификом (C.I.L. VI. 1675 + C.I.L. VI. 31902; C.I.L. VI. 31940). Подобная приверженность к языческим культам и могла стать истинной причиной судебных разбирательств над братьями. Благодаря заступничеству некоего Викторина, имевшего дружеские отношения с Максимином, Тарраций Басс и Камений были оправданы и впоследствии даже занимали высокие государственные посты²².

Далее по обвинению в прелюбодеянии пострадала некая Фаузиана, «женщина знатного

сословия» (*«femina non obscura»*. Амм XXVIII. 1. 48). Судя по патрониму, Фаузиана могла принадлежать к сенаторскому дому Нуммиев²³. Члены сената, некие Евмений и Абиен²⁴ были уличены «в своей связи с Фаузианой» (Амм. XXVIII. 1. 48). Викторин²⁵ при своей жизни состоял «в тесной дружбе» с Максимином, и эти трое искали у него защиты. Однако Фаузиана все же была осуждена, а Евмений и Абиен, вступив в сговор с Анепсией, попытались переложить всю вину на Агинация, еще одного сенатора (Амм. XXVIII. 1. 49), также впоследствии осужденного.

Агинаций также принадлежал к семье «древнего и знатного происхождения» (Амм. XXVIII. 1. 52: *«homo patriciae stripis»*; 54: *«senatorem perspicui generis»*). А. Джонс связывает его родственными узами как с Анициями, так и с Дециями [19, р. 30], хотя исследователи чаще склоняются к тому, что эти семьи придерживались разных взглядов и не стремились породниться друг с другом²⁶. Судя по *signo*, Агинаций все же относился к Дециям²⁷. В 368–370 гг. он занимал пост викария города Рима. Агинаций и Максимиин вели войну друг против друга и в попытках повлиять на императора привлекали к этому подчас совершенно посторонних людей. Всему причиной была нескончаемая жажда власти у обоих. Конфликт спровоцировал Агинаций, рассердившийся на Максимиана за то, что именно его предпочел император для проведения процессов о государственных изменах (Амм. XXVIII. 1. 32). Поэтому Агинаций воспользовался предлогом мнимого оскорбления Максимином Проба²⁸, попытавшись вступить с последним в сговор против префекта. В этом конфликте Максимиин смог найти себе союзника в лице некой Анепсии, обвинявшейся в прелюбодеянии и заявившей, что «подверглась насилию в доме Агинация с помощью колдовства» (Амм. XXVIII. 1. 50). В общем, искомый предлог для устранения конкурента был найден: обвинение в колдовстве подкрепилось обвинением в прелюбодеянии – этого императору было вполне достаточно, чтобы отправить Агинация на казнь: «Тщетно тот апеллировал громким криком к императорам, его подхватили на руки и убили» (Амм. XXVIII. 1. 56).

Дело приняло плохой оборот: количество обвиняемых возрастало. Максимиин нашел себе сторонника в лице Дорифориана: «...Приказав привести для допроса Агинация, он велел впустить туда же целую толпу палачей. При зловещем звякании цепей он мучил пытками до смерти рабов, утомленных продолжительным заключением, требуя от них показаний против их господина, хотя милосердные законы запре-

шали делать это в следствиях о прелюбодеяниях» (Амм. XXVIII. 1. 54–55).

В итоге из девяти осужденных представителей сенаторского сословия семеро были казнены (Пафий, Корнелий, Кларитасс, Флавиана, Фаузиана, Агинаций, Лоллиан) и лишь двое оправданы – Тарраций Басс и Камений. Все из казненных мужчин принимали активное участие в политических интригах. О Фаузиане и остальных женщинах также нет достаточных данных. Таким образом, можно предположить, что гонениями, инициированными императором, воспользовались сами сенаторы, а также люди, занимавшие высокие посты в Риме, для борьбы со своими политическими противниками.

За все указанные преступления большинство сенаторов поплатились жизнью. Отдельных представителей аристократии спасло лишь своевременное заступничество влиятельных друзей. Важно было именно физически устранить этих людей. От правила «крайняя мера для римского сенатора – не смерть, а тюрьма» (Plut. Cic. 21) не осталось и следа, хотя еще в начале IV в. уже упомянутый Гай Цейоний Руфий Волузиан, подозревавшийся в причастности к интригам Криспа [22, р. 48], был отправлен в ссылку.

Во время кампании 371 г. осужденных заключали в Мамертинскую тюрьму, место для главных политических преступников. Там, к примеру, умер Югурта, были казнены сторонники Катилины, а после триумфа Цезаря – Верцингеториг. Таким образом, сенаторов судили по обвинению в прелюбодеянии или колдовстве как государственных преступников. Перед смертью они попадали в ужасные условия: «В тюрьме, если немного подняться влево, есть подземелье, называемое Туллиевым и приблизительно на двенадцать футов уходящее в землю. Оно имеет сплошные стены и каменный сводчатый потолок; его запущенность, потемки, зловоние производят отвратительное и ужасное впечатление» (Sall. Cat. 55. 3 – 4). Применяя к сенаторам подобные меры, их как будто хотели унижить. Причем не жалели даже женщин. Не стоит возлагать всю вину только на императоров, поскольку исполнители, обладавшие широкими полномочиями, могли проявлять собственную инициативу в реализации приказаний.

Сам Максимиин после должности викария занял в том же 371 г. пост префекта претория в Галлии. Однако его политическая карьера вскоре завершилась. После претурь он не получал никаких назначений, а в 376 г. по приказу императора Грациана был обезглавлен. Став в руках императора Валентиниана орудием казни, он выполнил свою задачу: «Не остались без

возмездия последние проклятия убитых... Максимин, дошедший до невыносимой наглости, был казнен при Грациане; Симпликий был убит в Иллирике, и Дорифориан был отдан под суд и заключен в Туллианскую тюрьму. По совету матери император Грациан приказал его оттуда освободить; но когда он вернулся домой, там казнили его мучительной смертью» (Amm. XXVIII. 1. 57).

Мы рассмотрели только историю Максимиана, однако Марцеллин приводит примеры трагической судьбы и других подобных слуг императора: уже упомянутых Симпликия из Эмоны и Дорифориана. К тому же в восточной части империи велись аналогичные следствия. Некий Фортунациан, человек низкого происхождения, «получив возможность предъявлять всем, кому ему будет угодно без различия состояний, обвинения в занятиях колдовством... опутал многих своей гибельной сетью, обвиняя одних в причастности к колдовству, других в связи с лицами, повинными в оскорблении величества» (Amm. XXIX. 2. 2). Пострадал, в частности, Бассиан, принадлежавший к высшей знати. Однако ему удалось найти заступника, и Бассиан отделался лишь конфискацией имущества. Были осуждены консулы 359 г. Евсевий и Гипатий, родственники Констанция II, обвиненные в хранении императорского облачения и приговоренные к штрафу и изгнанию (Amm. XXIX. 2. 9–11). На востоке также орудовал и «Фестин из Тридента», товарищ Максимиана еще со времен его адвокатской деятельности (Amm. XXIX. 2. 22–25). Однако, в отличие от Рима, на востоке на протяжении всей кампании преследовались именно магические практики²⁹.

Итак, преследования по обвинению в занятиях магией в Риме развивались следующим образом. Изначально кампания, действительно, инициировалась императором против людей, практикующих занятия магией. Одними из первых по обвинению Хилона были привлечены «органный мастер Серик, учитель гимнастики Асболий и гаруспик Кампенсий» (Amm. Marc. XXVIII. 1. 8). Однако уже на следующем этапе расследований, связанном с делом Гиметия, к процессам были привлечены люди знатного происхождения. С этого момента инициатива в борьбе со сторонниками магии перешла к должностным лицам Рима, для которых гонения стали формой политической борьбы и расправы с неугодными. Расплывчатость категорий «магия» и «колдовство» позволяла использовать их в качестве формального повода для обвинений.

С течением времени кампания разрослась, поскольку римские сенаторы поняли, что подобным образом выгодно устранять своих кон-

курентов³⁰. Следовательно, они сами поспособствовали такому широкому распространению гонений в Риме. Говоря о западной части империи, в отличие от восточной, нельзя сводить процесс лишь к одному человеку – императору и объяснять гонения только его характером. Безусловно, и император, и чиновники сыграли свою роль. Тем не менее главная инициатива в такой обширной кампании в Риме должна идти от гражданского населения. Западные сенаторы, привыкшие к господству в городе, быстро приспособили процессы под свои нужды и, таким образом, ослабили самих себя.

По сенаторскому сословию был нанесен очередной удар³¹. Он не был непоправимым и направленным на все сенаторское сословие в целом, но в совокупности с разграблением Рима, постепенным распространением христианства в сенаторской среде, недоступностью для большинства аристократов постов общеимперского значения подобные процессы стали довольно чувствительны для сенаторов³². Судебные разбирательства проводились примерно в одно время, следовательно, реализовывались целенаправленно и явно с политическими мотивами. К тому же в 371 г., в то самое время, когда Максимин занимал пост викария Рима и проводил свои расследования, император принял закон, по которому священники освобождались от налогов. Для возмещения убытков Валентиниан I произвел сбор налогов с сенаторов, придерживавшихся язычества. Это решение императора еще больше оттолкнуло сенаторское сословие от правителя. Внутри *ordo senatorius* к тому же не было единства. Сенаторы сами оказались не прочь устранить своих политических конкурентов, воспользовавшись императорским террором. Таким образом, западная аристократия использовала общеимперские преследования за занятия магией для устранения своих противников в Риме, а такие люди, как Максимин, получали выгоду от раздоров внутри сенаторского сословия, хотя и сами становились жертвами проводимой ими политики.

Примечания

1. Государство, встав на путь союза с церковью, совместными усилиями пыталось искоренить языческие культы и практики. По поводу борьбы с язычеством см.: [2; 3]; о постепенном законодательном ограничении использования магии см.: [4].

2. К ним добавлялись и обвинения в прелюбодеяниях [5, p. 222].

3. Помимо Аммиана Марцеллина, описавшего гонения Валента на Западе, на Востоке расследование Валентинианом преступлений, связанных с использованием магии, см.: Amm. Marc. XXIX.1.4–

2.28, 31.14.8–9; Soz. 6.35.3; Eunap. VS 7.6.3–7; Zos. 4.14.1–15.3; Lib. Or. 1.171–73; Epit. 48.3–4; Philostorg. 9.15; Soc. 4.19.1–7; Soz. 6.35.1–11; Joh. Ant. fr. 184.2; Theoph. a.m. 5865, 5867; Zon. 13.16; Cedrenus, p. 548.

4. СTh. IX. 16: De maleficis et mathematicis et ceteris similibus.

5. Для уточнения авторов см. сноску iii.

6. Среди преследуемых встречаются не только *humiles*, но и простые жители Рима, как, например, в случае с обвинениями Хилона «органичного мастера Серика, учителя гимнастики Асболия и гарусника Кампенсия» [5, p. 220–222].

7. «Между тем были перебиты и маркоманны, и племя карпов все было переселено на наши земли; часть их, однако, была переведена уже Аврелианом» (Aur. Vict. De Caes. 39. 43).

8. В основном относятся к должностям *frumentarius* и *speculator*, поскольку в их обязанности входили постоянные поездки между императорским двором и приграничными провинциями, в которых они несли службу. Поездки позволяли им обзаводиться полезной информацией и связями в разных регионах империи [12, с. 73].

9. О других подобных карьерах см.: [16, p. 135–148].

10. Должность адвоката довольно хорошо оплачивалась. Согласно Эдикту Диоклетиана о максимальных ценах, за возбуждение дела адвокату следовало заплатить 250 денариев, а за ведение дела – 1000 денариев [17, с. 318].

11. Тусция обычно управлялась сенаторами. Следовательно, после занятия должностей *praeses Corsicae* (до 365 г.) и *praeses Sardiniae* в 364/366 гг. (AE 1889, 32) в ранге «*vir perfectissimus*» (AE 1889, 32) Максимиан должен был получить титул «*vir clarissimus*» и только затем стать *corrector* Тусции в 366 г.

12. Подобный способ построения карьеры был довольно популярен в позднеантичном обществе и даже конкурировал с традиционным *cursus honorum*. Подробнее см.: [19, p. 195–197]; ср. [20].

13. Два претендента на епископскую кафедру Дамаз и Урсин имели сторонников среди определенных социальных групп: аристократы предпочли Урсина, плебе – победившего в итоге Дамаза. «Партии разделились, и борьба доходила до кровопролитных схваток и смертного боя между их приверженцами. Не в силах ничего сделать градоначальник Вивенций вынужден был покинуть Рим. В этом состязании победил Дамаз благодаря усилиям стоявшей за него партии. В базилике Сицинина, где совершаются сходки христиан, за один день было подобрано 137 трупов, а просто-народе, долго пребывавшее в озверении, с трудом утихомирилось» (Amm. XXVII. 3. 11–15).

14. C. Ceionius Rufius Volusianus 4 [21, p. 997].

15. Ceionius Rufius Albinus 14 [21, p. 37].

16. Сенаторы Пафий и Корнелий и знатные женщины Кларитасс и Флавиана (Amm. XVIII. 1.28, 29).

17. К середине IV в. сформировалась новая потомственная аристократия, принадлежность к которой определялась рождением и воспитанием, а не занимаемой должностью. История рода Цейониев-Руфиев отражает этот процесс. Из изначальной «должностной» аристократии род перешел в аристократию потомственную, членство в которой переда-

валось по наследству. Даже уже Гай Цейоний Руфий Волузиан Лампадий (C. Ceionius Rufius Volusianus Lampadius 5), внук основателя династии, во второй половине IV в. начал свою карьеру с должности претора, что было характерно для отпрысков senatorских семейств, которые преторскими играми заявляли о себе на общественном поприще и начинали, таким образом, свое восхождение к высшей должности – городской префектуре. В течение нескольких поколений, начиная с конца III в., Цейонии Руфии также имели консулов в каждом из поколений.

18. Его прадед, Гай Цейоний Руфий Волузиан (C. Ceionius Rufius Volusianus 4), основатель senatorской династии Цейониев Руфиев, в 310 г. был назначен префектом города, а в 311 г. – ординарным консулом. Константин повторно назначил его префектом Рима и консулом в 313 и 314 гг. соответственно (C.I.L. VI 1140, 1707).

19. Лоллиан только вступил в пору юношества, когда на него завели уголовное дело, и проявить себя на политическом поприще он еще не успел. К тому же, судя по тому, что разбором его дела заведовал консуляр Бетики, местом постоянного обитания Лоллиана была Испания, и он физически не мог принимать участия в политической борьбе в Риме. Однако его отец, Гай Цейоний Руфий Волузиан Лампадий, ранее был замечен в нескольких интригах. На самой заре своей карьеры Лампадий принял участие в заговоре против Галла и впоследствии получил от Констанция назначение на должность в префекта Галлии вместо Вулкация Руфина. Находясь на этом посту, он привлекался к суду в 355 г. за попытку собрать компромат на Сильвана, магистра пехоты, и за это даже смещен с должности (Amm. XV. 5.4–5; СTh. 1.6.5, 6.4.18; 11.14.1). Кроме того, за злоупотребления во время занятия префектуры Рима в 365 г. он также был отстранен от должности и даже выслан из города, потом судим, но оправдан (Amm. XXVII. 3.5–11).

20. Tarracius Bassus 21 [21, p. 158].

21. Camenius I. По предположению А. Джонса, он может быть идентифицирован с Альфением Цейонием Юлианом Камением (Alfenius Ceionius Iulianus Kamenius 25), викарием Африки 381 г. [21, p. 177].

22. Спустя некоторое время после судебных разбирательств братья благополучно занимали высокие государственные должности: Тарраций Басс стал префектом Рима после 374 г., Камений – сначала консуляром Нумидии, а затем викарием Африки в 381 г.

23. Предполагаемое родство с Нуммием Фаузианом, см.: [23, p. 157]. Nummius Fausianus (C.I.L. XIV. 5357).

24. Avienus [21, p. 126]. Eumenius 3 [21, p. 295]. Вероятно, входили в сенат, но не принадлежали к старым senatorским семьям, *ordo senatorius*. О различии между senatorским сословием и сенатом как государственным органом см. [24, p. 50–54]. С течением времени этот разрыв еще больше стал очевиден. В V в. членами сената могли стать только *virii illustres* с древним происхождением. Право рождения открывало доступ в сословие, а не в сенат. Таким образом, входение в сенат обеспечивалось получением должности, соответствующей рангу *virii illustres*, кооп-

тация членом самим сенатом, предоставление кандидата правителем. Подробнее см.: [25, с. 132–135].

25. Victorinus 5 [21, p. 963].

26. О критическом отношении к блоку Анициев-Дециев и главенстве их среди западноримской аристократии см.: [26, p. 134].

27. Позднее в эпиграфических свидетельствах встречается имя Цецины Деция Агинация Альбина (Caecina Decius Aginatus Albinus 7), префекта Рима в 414 и 426 гг. «Прозвище» дает основание предполагать, что рассматриваемый нами сенатор Агинаций приходился ему дедом.

28. Секст Петроний Проб (Sextus Claudius Petronius Probus 5), префект претория Иллирика ок. 364 г., префект претория Галлии ок. 366 г., префект претория Иллирика, Италии и Афирики ок. 368–375 гг. Именно во время исполнения этой должности был вовлечен в конфликт Максимиана и Агинация [21, p. 760].

29. Подробнее о процессах на востоке см.: [5, p. 223–234].

30. О конкуренции среди римской аристократии см.: [9, p. 109–113].

31. О распространенности процессов и огромном количестве пострадавших, по крайней мере, на западе нельзя говорить с уверенностью. Ведь у Аммиана кроме этих случаев имеются другие преувеличения [27, p. 371–372].

32. По поводу незначительного количества пострадавших сенаторов – стоит учесть, что нобилей в Риме было не так уж и много. К тому же Аммиан сообщает о потерях буквально за пару лет.

Список литературы

- Melounová M. Trials with Religious and Political Charges from the Principate to Dominate // *Graeco-Latina Brunensia* 17. 2012. № 2. P. 117–130.
- Ведешкин М.А. Позднеримское законодательство о язычниках, храмах и жертвоприношениях / Пер. с лат. М.А. Ведешкин // *Император Юлиан. Полное собрание творений*. СПб., 2016. С. 792–816.
- Ведешкин М.А. Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи IV–VI вв.: законодательство и практика // *Император Юлиан. Полное собрание творений*. СПб., 2016. С. 749–791.
- Марей А.В. Колдовство в законодательстве поздней империи // *ВДИ*. 2012. № 2. С. 166–175.
- Lenski N. *Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 2002. 478 p.
- Thompson E.A. 1947. *The Historical Work of Ammianus Marcellinus*. Cambridge: University Press, 1947. 145 p.
- Piganiol A. *L' Empire Chrétien, 325–395*. (Histoire Générale Fondée Par Gustave Glotz). P.: Presses Universitaires de France, 1947. 350 p.
- Alföldi A. *A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire, the Clash between the Senate and Valentinian I*. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
- Pierré-Caps A. «J'ai vu finir le monde ancien» – L'irrésistible déclin des grands aristocrates païens sous les Valétiens (deuxième moitié du IVe siècle) // *Volumen*. 2016. № 15–16. P. 107–136.
- Coşkun A. *Ammianus Marcellinus und die Prozesse in Rom (a. 368/69-71/74)* // *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik*. 2000. Bd. 15. S. 63–92.
- Wiebe F. J. *Kaiser Valens und die Heidnische Opposition (Antiquitas, Abhandlungen zur alten Geschichte 44)*. Bonn: Habelt, 1995. 407 S.
- Arnheim M.T.W. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1972. 246 p.
- Marasco G. *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden; Boston: Brill, 2003. 550 p.
- Смышляев А.Л. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. // *ВДИ*. 1979. № 3. С. 60–81.
- Браун П. Поздняя античность // *История частной жизни / Под ред. Ф. Арьеса, Ж. Дюби. Т. 1. От Римской империи до начала второго тысячелетия*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 797 с.
- Kulikowski M. *Regional Dynasties and Imperial Court // Contested Monarchy. Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / Ed. by J. Wienand*. Oxford, 2015. P. 135–148.
- Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.; М.: Евразия; ИД Клио, 2014. 368 с.
- Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: otium post negotium // *ВДИ*. 1999. № 4. С. 59–70.
- The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425 / Ed. by Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 845 p.
- Okon D. Senatorial cursus honorum in the Period of the Republic and in the Early Empire. A Selected Issues // *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира*. 2016. № 16. С. 97–118.
- Jones A., Martindale J.R. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Vol. I A.D. 260–395*. Cambridge: The University of Cambridge Press, 1971. 1152 p.
- Barnes T.D. Two senators under Constantine // *The Journal of Roman Studies*. 1975. Vol. 65. P. 40–49.
- Barnes T.D. Some Persons in the *Historia Augusta* // *Phoenix*. 1972. Vol. 26. № 2. P. 140–182.
- Mennen I. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden; Boston: Brill, 2011. 321 p.
- Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ, 2004. 270 с.
- Cameron Al. Anician Myths // *Journal of the Roman Studies*. 2012. Vol. 102. P. 133–171.
- Ruggini L.C. *Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography* // *Classical Philology*. 2003. Vol. 98. № 4. P. 366–382.

**THE MAGIC TRIALS IN LATE ANTIQUITY:
THE IMPERIAL CAMPAIGN OR THE SENATORS' INITIATIVE?**

E.S. Zaitseva

This paper discusses the late Antique investigations against representatives of the Roman senatorial elite accused of magical practices. Originally, the campaign in both parts of the Empire was aimed at eradicating magical practices, and then it was transformed due to the specific position of the senatorial order of Rome. The author reveals the mechanism of this transformation and concludes that the senators, as the only owners of the city, eliminated political rivals with the help of denunciations accusing them of magic. An example of a specific case investigated by Vicar Maximin shows the particulars of the Roman senators' interaction with each other and with the imperial government.

Keywords: late Antiquity, Valentinianus I, Roman senators, senatorial aristocracy, political struggle, magic trials, witchcraft.

References

1. Melounová M. Trials with Religious and Political Charges from the Principate to Dominate // *Graeco-Latina Brunensia* 17. 2012. № 2. P. 117–130.
2. Vedeshkin M.A. Pozdnerimskoe zakonodatel'stvo o yazychnikah, hramah i zhertvoprinosheniyah / Per. s lat. M.A. Vedeshkin // *Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvorenij*. SPb., 2016. S. 792–816.
3. Vedeshkin M.A. Pravovoj status yazychnikov i yazycheskikh kul'tov v Rimskoj imperii IV–VI vv.: zakonodatel'stvo i praktika // *Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvorenij*. SPb., 2016. S. 749–791.
4. Marej A.V. Koldovstvo v zakonodatel'stve pozdnej imperii // *VDI*. 2012. № 2. S. 166–175.
5. Lenski N. Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D. Berkeley – Los Angeles – London: University of California Press, 2002. 478 p.
6. Thompson E.A. 1947. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge: University Press, 1947. 145 p.
7. Piganiol A. L'Empire Chrétien, 325-395. (Histoire Générale Fondée Par Gustave Glotz). P.: Presses Universitaires de France, 1947. 350 p.
8. Alföldi A. A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire, the Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
9. Pierré-Caps A. «J'ai vu finir le monde ancien» – L'irrésistible déclin des grands aristocrates païens sous les Valentiniens (deuxième moitié du IVe siècle) // *Volumen*. 2016. № 15–16. P. 107–136.
10. Coşkun A. Ammianus Marcellinus und die Prozesse in Rom (a. 368/69-71/74) // *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte Papyrologie und Epigraphik*. 2000. Bd. 15. S. 63–92.
11. Wiebe F. J. Kaiser Valens und die Heidnische Opposition (Antiquitas, Abhandlungen zur alten Geschichte 44). Bonn: Habelt, 1995. 407 s.
12. Arnheim M.T.W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. 246 p.
13. Marasco G. Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: Fourth to Sixth Century A.D. Leiden; Boston: Brill, 2003. 550 p.
14. Smyshlyaev A.L. Ob evolyucii kancelyarskogo personala Rimskoj imperii v III v. n.e. // *VDI*. 1979. № 3. S. 60–81.
15. Braun P. Pozdnyaya antichnost' // *Istoriya chastnoj zhizni / Pod red. F. Ar'esa, Zh. Dyubi*. T. 1. Ot Rimskoj imperii do nachala vtorogo tysyacheletiya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 797 s.
16. Kulikowski M. Regional Dynasties and Imperial Court // *Contested Monarchy. Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD / Ed. by J. Wienand*. Oxford, 2015. P. 135–148.
17. Uil'yams S. Diokletian: restavator Rimskoj imperii. SPb.; M.: Evraziya; ID Klio, 2014. 368 s.
18. Smyshlyaev A.L. Rimskij namestnik v provincial'nom gorode: otium post negotium // *VDI*. 1999. № 4. S. 59–70.
19. The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. The Late Empire, A.D. 337–425 / Ed. by Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 845 p.
20. Okoń D. Senatorial cursus honorum in the Period of the Republic and in the Early Empire. A Selected Issues // *Mnemon: issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira*. 2016. № 16. S. 97–118.
21. Jones A., Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire: Vol. I A.D. 260–395. Cambridge: The University of Cambridge Press, 1971. 1152 p.
22. Barnes T.D. Two senators under Constantine // *The Journal of Roman Studies*. 1975. Vol. 65. P. 40–49.
23. Barnes T.D. Some Persons in the Historia Augusta // *Phoenix*. 1972. Vol. 26. № 2. P. 140–182.
24. Mennen I. Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284. Leiden; Boston: Brill, 2011. 321 p.
25. Shkarenkov P.P. Rimskaya tradiciya v varvarskom mire. Flavij Kassiodor i ego epoha. M.: RGGU, 2004. 270 s.
26. Cameron Al. Anician Myths // *Journal of the Roman Studies*. 2012. Vol. 102. P. 133–171.
27. Ruggini L.C. Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography // *Classical Philology*. 2003. Vol. 98. № 4. P. 366–382.